

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

Л. В. КОПЕЦКИЙ

ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

(На материалах русско-чешского и чешско-русского словарей)

В условиях тесного сотрудничества славянских народов во всех отраслях народного хозяйства, культуры, науки и техники лексикографическая работа, направленная на создание научно полноценных и вполне надежных двуязычных славянских словарей, приобретает особый смысл и значение. Такие словари делают доступным важнейший источник всякой информации — инославянский текст, т. е. книгу и периодическую печать, а также служат необходимым пособием при освоении и углубленном изучении того или другого славянского языка.

Но создание относительно полных двуязычных славянских словарей имеет, конечно, и научно-теоретическое значение. В настоящее время славянская лингвистика не располагает подробным описанием лексических систем славянских языков; нет даже выработанного для такого описания метода. Поэтому создание относительно полных двуязычных славянских словарей и подробная, теоретически хорошо обоснованная разработка в них словарных статей (с установкой на постоянное соотношение данной лексической системы с системой другого славянского языка) может способствовать изучению этих систем, а также использованию собранного и обработанного в словаре материала в сопоставительном плане. Здесь можно сослаться на слова Бодуэна де Куртенэ, который говорил, что «хорошие описательные грамматики, издания памятников и словари останутся навсегда насущной потребностью нашей науки, и без них даже самым гениальным теоретическим выводам будет недоставать фактического основания»¹. В частности, для развития сравнительного славянского языкознания двуязычные славянские словари будут иметь и уже имеют громадное значение.

Наконец, полные двуязычные славянские словари могут служить базой для создания двуязычных славянских словарей любого типа, подобно тому как описательная подробная грамматика служит базой для самых разнообразных грамматических пособий.

Общий характер планирования лексикографической работы по созданию двуязычных славянских словарей, обусловленный прежде всего общественной потребностью в них, определяется наличием уже имеющихся словарей, национальной лексикографической традицией и состоянием

¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, цит. по кн. «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков», сост. В. А. Звегинцев, М., 1956, стр. 222.

лингвистических знаний, которые бы позволили теоретически обосновать соби́рание для словаря лексического материала и его обработку. Прямую зависимость лексикографической работы от указанных факторов можно легко проследить на истории обработки лексики любого из славянских языков¹.

Круг вопросов, с которыми неизбежно встретится каждый коллектив, приступая к созданию славянского двуязычного словаря, отвечающего, с одной стороны, современным лингвистическим требованиям, а с другой — практическим потребностям всех серьезно соприкасающихся с ино-славянским текстом, и составит, по нашему мнению, проблематику этого словаря. Определяющее значение для организации всей лексикографической работы имеет вопрос об общем характере предполагаемого словаря, его назначении, а в связи с этим и вопрос о его содержании и тематике. Более детальные вопросы касаются принципов обработки словарной статьи, грамматического комментария в ней, выделения значений, их документации цитатами и экзemplifications (примерами словоупотребления), учета синонимов, омонимов и антонимов, наконец фразеологии. Не менее важны и вопросы, касающиеся непосредственно самой работы; они обычно освещаются в подробных инструкциях для сотрудников.

Естественной базой для решения всех этих вопросов могло бы быть подробное описание лексической системы того или другого славянского языка. Однако такого описания нет, и поэтому отношения складываются обратные, т. е. наши сведения по лексикологии данного славянского языка в основном ограничиваются тем, что собрано и обработано в словарях. Поэтому продуманно построенный словарь является пока единственным источником наших сведений как о словарном составе языка, так и о каждом слове этого состава, а в какой-то мере, при соблюдении известных условий, даже и о положении слова в лексической системе данного языка. Конечно, назначение двуязычного словаря предполагает, кроме более или менее полных информаций о слове и его синтагматических возможностях, также раскрытие семантической структуры слова с точным и предельно исчерпывающим выражением ее в эквивалентах другого языка, в нашем случае славянского. Значит, по существу речь идет о эквивалентно-семантическом сопоставлении лексики двух славянских языков. Это и будет составлять специфику двуязычного славянского словаря.

Количество сведений о слове в двуязычном словаре зависит от типа словаря, его задач. В наших рассуждениях мы имеем в виду «полный» словарь, который мог бы служить базой для составления словарей других типов. Подробная информация о слове, по нашему мнению, необходима в таком двуязычном словаре прежде всего потому, что эквиваленты, экзemplifications и даже цитации не могут исчерпать всех случаев использования слова в контексте. В то же время всесторонняя характеристика возможностей слова позволит уточнить предложенные словарем эквиваленты или подыскать новые, лучше отвечающие контексту. Надо, кроме того, учесть, что сведений о морфологических и синтаксических возможностях слова, о подчиненности его тем или другим грамматическим правилам, о фразеологических связях слова в совокупности не дает ни один раздел учения о языке, хотя слово и является основной единицей языка, которой оперирует и фонетика, и морфология, и синтаксис. Сведения о слове в словарной

¹ Для польского языка имеется специальная работа: W. D o r o s z e w s k i, *Z zagadnień leksykografii polskiej*, Warszawa, 1954. Много материала по русской лексикографии собрано в известной работе В. В. В и н о г р а д о в а «Русская наука о русском языке», («Уч. зап. Моск. ун-та», вып. 106, т. III, кн. 1, М., 1946). О чешской лексикографии см. Г. К. Л а с т о в е ц ь к а, *Нарис чешской лексикографії*, сб. «Вопросы славянского языкознания», кн. 4, Львов, 1955.

статье, как своеобразные координаты, определяют место данного слова в общей лексической системе языка, намечая его разнообразнейшие связи. Крушевский правильно утверждал, что «... каждое слово связано двоякого рода узами: бесчисленными связями сходства со своими родичами по звукам, структуре или значению и столь же бесчисленными связями смежности с разными своими спутниками во всевозможных фразах; оно всегда член известных гнезд или систем слов и в то же время член известных рядов слов»¹. Эти особенности слова и необходимо по возможности показать в словаре.

Таким образом, двуязычный словарь современных славянских языков является инвентаризацией активного словарного состава переводимого славянского языка со всесторонней морфологической и синтаксической характеристикой каждого внесенного в словарь слова и с одновременным выражением его семантической структуры в точных эквивалентах другого славянского языка.

Об источниках двуязычного славянского словаря. В наших рассуждениях мы имеем в виду «полный» двуязычный словарь, который бы охватывал по возможности всю общую активную лексику того или другого славянского языка, представленную центральной периодической печатью, современной и классической художественной литературой, публицистикой, «толстыми» журналами, учебниками средней школы по всем предметам ее программы. Нам кажется, что тогда в словаре и будет представлена «... совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы», о чем в связи с взглядом на систему языка говорил акад. Л. В. Щерба². Узкоспециальная лексика, не нашедшая отражения в намеченных выше текстах, остается за пределами интересующего нас «полного» словаря. Зато весь лексический материал, представленный указанными текстами, должен войти в словарь, поскольку этот словарь не ставит себе нормативных целей и поскольку выбор текстов был теоретически обоснован. Этим определяется и отношение к словам областным, просторечным и вульгарным. Слово *сугрѣв* или *сугрев*, например, мы ввели в наш большой русско-чешский словарь, потому что слова эти встретились у Шолохова и Шишкова, а произведения этих авторов были включены в список лексических источников нашего словаря. По этим же соображениям было введено слово *субчик*, которое встречается у Гончара, В. Некрасова, Полевого и Шолохова. Нам кажется, что пользующийся словарем может законно рассчитывать на то, что получит информацию о всех словах, встретившихся в текстах, на основе которых построил словарь, независимо от дальнейшей судьбы того или другого слова, использованного авторитетным источником, независимо, так сказать, от нормативных шансов данного слова. С этой точки зрения и отношение к словам-поденкам, или «самоделкам», встретившимся в авторитетных источниках, у двуязычного словаря будет иное, чем в словаре толковом³. Ввиду этого «полный» двуязычный словарь должен опираться прежде всего на собственную картотеку, которая необходима как для словника словаря, так и для разработки словарных статей, и только во вторую очередь — на данные толковых словарей, несомненно,

¹ П. Крушевский, Очерк науки о языке, Казань, 1883, стр. 65—66.

² Л. В. Щерба, О трех аспектах языковых явлений и об эксперименте в языкознании, «ИАН СССР, Серия, VII — Отд. обществ. наук», 1931, № 1, стр. 115.

³ Ср.: С. И. Ожегов, О трех типах словарей современного русского языка, ВЯ, 1952, № 2, стр. 98; А. М. Бабкин, Лексикографические заметки, ВЯ, 1955, № 2, стр. 92; Л. С. Ковтун, О построении словарной статьи в Словаре современного русского литературного языка АН СССР, «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957, стр. 84—85; Н. И. Фельдман, Окказиональные слова и лексикография, ВЯ, 1957, № 4, стр. 67 и 72.

имеющих в процессе работы над двуязычным словарем громадное значение, прежде всего контрольное и информационно-нормативное.

При исключительных успехах современной техники и ее роли в общественной жизни актуальная терминологическая лексика богато представлена в центральной периодической печати и в произведениях выдающихся писателей. Через эти источники она попадает и в общий «полный» словарь, благодаря чему словарь приобретает определенные черты своего времени, становится «современным». В более систематическом виде терминологическая лексика попадает в общий словарь из учебников соответствующих предметов средней школы или из научно-популярной литературы, которая была включена в источники для словаря. Источниками для географических названий и собственных имен, имеющих большое значение в культурно-политической и исторической жизни современного человечества, в основном будет центральная пресса, но было бы желательно руководствоваться здесь и более систематическими данными разного рода справочников.

При составлении словарной картотеки в нашей лексикографической работе различаем два вида выборки — сплошную для основных источников словаря и контрольную для периодических изданий, разных сборников и справочников. Как показывает опыт, выборка будет полноценной только в том случае, если она будет проводиться лицами, хорошо знакомыми с теоретическими предпосылками лексикографической работы, главным образом с принципами раскрытия семантической структуры слова, его синтагматических возможностей и вообще его валентности. При этом надо иметь в виду, что в словаре придется регистрировать материал, который позволил бы показать слово не только как единицу «языка» в ситуационно отстоявшихся значениях, но и как единицу «речи», высказывания, с актуализированными вариантными возможностями (конечно, если они представлены в выбранных текстах). Иначе говоря, надо показать не только значения, но и употребление, не смешивая их.

Особенно квалифицированно должна проводиться контрольная выборка, которая дает материал по намечающимся новым устойчивым сочетаниям (ср. *массовые игры, массовый заплыв, массовый кросс* и т. п.; *фронтальный опрос, фронтальное обследование* и под.). При неквалифицированной выборке ценнейшие для раскрытия семантики слова и характеристики его употребления оттенки могут быть потеряны. Само собой понятно, что для двуязычного словаря и выборка должна производиться в сопоставительном плане, т. е. людьми, отлично владеющими обоими языками. Например, для раскрытия семантической структуры чешского глагола *oznámíti* необходимо учесть следующие дополнения: *smutnou zprávou* «сообщить», *svůj příjezd* «известить о чем», *rozhodnutí vlády* «объявить», *o ztrátě* «заявить», *úřadům o zločinu* «донести» и т. д.

Конечно, широкое использование источников, инвентаризация материала и его подробная документация отразятся на объеме словаря, который должен определяться в зависимости от решения поставленных перед составителями словаря задач.

О типе двуязычного словаря. Вопрос о типе словаря решается в связи с вопросом о его назначении, тематике и способе обработки словарных статей.

Покойный акад. Л. В. Щерба в своем известном труде «Опыт общей теории лексикографии» высказывает довольно пессимистическую мысль, что «...обычные переводные словари не дают настоящего знания иностранных слов, а лишь помогают догадываться о их смысле в контексте», что «...переводные словари, переводя иностранное слово тем или другим своим словом, совершенно не заботятся о многозначности этого последнего» и что «...переводный словарь оказывается полезным разве только для на-

чинающих изучать иностранный язык»¹. Акад. Щерба видит возможность радикального улучшения такого положения в создании толковых словарей на родном языке учащихся, «...где конечно могли бы фигурировать и переводы слов во всех тех случаях, когда это упрощает толкование и несколько не вредит полному познанию настоящей природы иностранного слова»². Пессимистические высказывания о двуязычном словаре акад. Щерба несколько смягчает, когда говорит, что надо стремиться уменьшить разными паллиативами недостатки двуязычного словаря, что «...может в конце концов окольными путями привести к созданию того типа иностранного словаря, который мне рисуется как идеал»³.

Мы не разделяем такого пессимистического взгляда на двуязычный словарь. На основании последовательной обработки более ста тысяч словарных статей большого русско-чешского словаря мы убедились в том, что в подавляющем большинстве случаев можно дать исчерпывающие эквиваленты к значениям переводимых слов, конечно, при условии тщательного учета семантической структуры переводимого слова в сопоставительном плане и полного использования возможностей эквивалентного выражения ее в языке перевода. В этом случае исключительное значение приобретают продуманное построение словарной статьи, детальная разработка семантической структуры переводимого слова, характеристика у слова его разнообразнейших связей, экзemplификации разного рода и, наконец, цитация, что в совокупности может в значительной степени уменьшить и даже полностью устранить те семантические несоответствия, которыми акад. Щерба аргументирует свои возражения против существующих двуязычных словарей. Приведенные требования к обработке статьи в словаре — не «паллиативы», как думал акад. Щерба, а последовательное раскрытие семантики слова, его структуры. При эквивалентном выражении семантического содержания слова необходимо иметь в виду соответствие эквивалента а) ситуации употребления, б) стилистическому слою переводимого слова и в) установившейся речевой практике. Например, чешское прилагательное *pevný*, соответствующее в общем русскому синонимическому ряду: «плотный, прочный, крепкий, устойчивый, твердый», в своей семантической структуре и употреблении представляется для двуязычного словаря в основном так: *pevný* (о физическом теле) «плотный»; (о сукне, материале) «прочный»; (о веревке) «крепкий»; (о лодке, столе, валюте) «устойчивый»; (о надежде, почве под ногами) «твердый». Если к этому добавить экзemplификации и цитацию (о которых ниже), то такая статья для понимания иностранного слова даст больше, чем статья толкового словаря, которая не может учитывать особенностей употребления, вытекающих из сопоставления семантических структур слова в обоих языках. Индивидуальное использование слова ответственным источником может быть показано в экзemplификациях или цитированием. Одним словом, надо постоянно иметь в виду, что «каждый язык представляет собой как своеобразную и самобытную систему внешних различий, так и индивидуальную и неповторимую систему значений. Поэтому отдельные значения, находящиеся в системе каждого данного языка, оказываются непосредственно несоизмеримыми со значениями, входящими в систему другого языка или языков»⁴. Это в полной мере справедливо и в отношении

¹ Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, ИАН ОЛЯ, 1940, № 3, стр. 114—115.

² Там же, стр. 115.

³ Там же.

⁴ О. С. Ахманова, В. В. Виноградов, В. В. Иванов, О некоторых вопросах и задачах описательной, исторической и сравнительно-исторической лексикологии, ВЯ, 1956, № 3, стр. 10.

таких близко родственных языков, как языки славянские, причем в последнем случае иногда приходится считаться с оттенками еще более тонкими, чем при сопоставлении структурно отдаленных языков. Элементы толкования слов иногда придется вводить там, где это необходимо для объяснения слов, выражающих специфические особенности быта, культурно-исторической жизни или психологии народа (ср. русск. *дуга, пристяжная, рассунуться, община, раскол* и т. п.). Здесь, конечно, приходится давать или приблизительный эквивалент, который мог бы быть использован для перевода, или просто транскрибировать национальное название; в обоих случаях необходимы пояснительные замечания.

Акад. Щерба считал, что «...для всякой пары языков нужно четыре словаря — безусловно два толковых иностранных словаря с объяснениями на родном языке пользующегося данным словарем и в зависимости от реальных потребностей два переводных словаря с родного на иностранный специального... типа»¹. Вряд ли для славянских языков существует действительно такая потребность. Двужызычный переводной словарь оправдал себя в испытании практикой. Вряд ли также, кроме переводных словарей (с родного на иностранный и наоборот), нужны какие-нибудь словари типа толковых, если в дополнение к двужызычному словарю легко можно воспользоваться уже существующими толковыми словарями отдельных славянских языков.

В последнее время в лексикографической практике различают обычно три типа двужызычных словарей — большой, средний и малый, или краткий. Такой весьма относительный и неточный критерий для различения словарей может иметь ориентирующее значение на определенном, начальном этапе лексикографической работы. Наш «большой» словарь будет содержать около 120 тысяч статей; «большой» словарь Ушакова содержит 85 тысяч слов; словарь Даля — 200 тысяч слов, а пятнадцатитомный словарь АН СССР, вероятно, будет содержать гораздо больше слов. С. И. Ожегов следующим образом различает типы словарей: «б о л ь ш о й, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе, с р е д н и й, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, к р а т к и й, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи»². При таком различении типов принимаются во внимание три разные точки зрения: большой словарь выделяется по охвату материала, средний — по способу разработки материала, краткий — по принципу нормализации. Такое выделение различных типов словарей весьма условно.

Поскольку нет подробной характеристики и описания словарного состава славянских языков, трудно говорить в числовых выражениях о лексических фондах, помещаемых в словарях, тем более, что во многих словарях, которые строились не на основании последовательной выборки, а на материалах иных словарей, имеется балласт слов, кочующих без документации из одного словаря в другой только из-за не критического отношения к источнику³. Особенно условно деление на «большие», «средние» и «малые» у двужызычных словарей специальных, главным образом технических.

¹ Л. В. Щерба, Опыт общей теории лексикографии, стр. 116.

² С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей русского языка, ВЯ, 1952, № 2, стр. 91—92.; ср. там же, стр. 94 и 95.

³ Ср.: А. М. Бабкин, Лексикографические заметки, ВЯ, 1955, № 2, стр. 90; о болгарско-русских и русско-болгарских словарях см. К. Н о г а [Nové bulharské slovníky], «Slavia», ročn. XXVI, seš. 1, 1957, стр. 134—137.

Нам кажется, что тип словаря определяется его назначением, а значит, его тематикой, способом разработки словарных статей (грамматическими комментариями, экземплификациями, цитацией, степенью разработанности фразеологии и другими специальными моментами разработки). Двухязычный словарь, охватывающий в соответствии с его наиболее общим культурным назначением всю тематику (ср. у акад. Щербы «все говоримое и понимаемое»), весь доступный и запланированный для выборки материал с предельно полной и всесторонней его разработкой, следовало бы считать «полным» или «академическим» двухязычным словарем (в двух, трех, четырех, пяти и т. д. томах). Словарь, охватывающий активный лексический слой литературного языка в общем его понимании, с подробной разработкой семантической структуры слов и показом их употребления на экземплификациях, но без цитаций, следует считать «настольным» двухязычным словарем, однотомным или двухтомным. Наконец, словарь, включающий из активного лексического слоя все корневые слова с наиболее употребительными производными словами, все «строевые» слова и актуальную политическую терминологию, можно было бы считать «кратким» словарем. Кроме того, для чисто педагогических целей можно различать словари двухязычные «учебные» (в учебниках для подготовки к работе со словарем вообще) и словари «школьные», охватывающие лексику литературы, запланированной для внешкольного чтения. Типы намеченных нами словарей отличаются друг от друга прежде всего своей тематикой и способом обработки; их объем — величина производная.

Мы имеем в виду словари общие; специальных словарей мы здесь не касаемся.

Словарная статья в двухязычном славянском словаре. Разработка словарной статьи является наиболее ответственным моментом всей словарной работы, определяющим в основном качество всего словаря.

Общее содержание словарной статьи полного двухязычного славянского словаря можно представить в следующем виде: 1) заглавное слово («звуковой комплекс») с характеристикой его произношения и акцентировки; 2) грамматическая характеристика слова, его отношение к парадигматической системе языка, индивидуальные грамматические особенности и синтагматические возможности, а также вообще все то, что лексически ограничивает у слова проявление грамматических категорий, свойственных данной части речи; 3) использование данного звукового комплекса для обозначения в речевой практике определенного смыслового содержания с возможным расчленением его на «значения» в связи с отстоявшимися жизненными ситуациями, эквиваленты к этим «значениям»; 4) показ употребления слова в разных стилистических контекстах, его стилистическая характеристика; 5) синонимы и антонимы к слову; 6) индивидуальное использование авторитетным источником отдельного «значения» слова с новым оттенком как потенциально новое «значение»; 7) возможные выделения из общей грамматической структуры слова отдельных грамматических форм с обособленным семантическим содержанием, их лексикализация; 8) уточнение эквивалентов и расчленение синонимических рядов эквивалентов путем указания на семантическую область употребления слова, его «семантическое поле»; 9) исчерпывающий показ в экземплификациях узусальной валентности слова, особенно не совпадающих в обоих славянских языках связей; 10) документация при помощи цитаций затруднительных или своеобразных с точки зрения их перевода случаев использования данного звукового комплекса; 11) использование звукового комплекса в терминологических целях; 12) фразеологизмы разного типа и такие фразеологизированные выражения, как пословицы, поговорки, сказочные формулы, загадки и бытовые словесные штампы.

Из перечисленных отдельных частей словарной статьи некоторые будут отсутствовать в тех или других типах словарей. С другой стороны, некоторым элементам статьи может быть уделено преимущественное внимание в связи с назначением словаря. Так, например, в статьи школьного русско-чешского словаря¹ мы ввели за глаголами продуктивные префиксы этих глаголов; у качественных прилагательных — антонимы; у слов однокоренных, но далеко отстоящих по алфавиту, ввели отсылочные указания; осложнили содержание статей указаниями, необходимыми с методической точки зрения ввиду учебного назначения словаря.

Есть двуязычные славянские словари, в которых мы или вовсе не встречаемся с так называемым грамматическим аппаратом в словарной статье, или встречаемся с весьма скромными грамматическими сведениями. Из описательных славянских грамматик хорошо известно, что ни одно грамматическое правило и ни одна грамматическая категория не имеет абсолютного характера и что, наоборот, часто мы встречаемся в большей или меньшей мере с «сопротивлением лексического материала», с «исключениями» или ограничениями грамматической категории лексическим содержанием слова. В этом отношении словарь — единственное пока место, где все такие случаи могут быть представлены с исчерпывающей полнотой, по крайней мере у славянских языков. Область языковых фактов, выпадающих из внимания грамматики и систематически нигде не регистрируемых, очень велика². Поэтому вопрос о грамматическом аппарате словарной статьи требует принципиального решения и серьезного теоретического обоснования, причем в двуязычном словаре еще в большей степени, чем в словаре толковом. «Академический» двуязычный словарь должен отличаться полнотой информации о слове и учитывать тот несомненный факт, что слова, принадлежащие к изменяемым частям речи, вне своих грамматических форм не существуют, следовательно, к характеристике в словаре слова как конкретной единицы языка непременно относится и характеристика его грамматических возможностей — морфологических и синтаксических³. Посредством этих возможностей и в связи с ними раскрывается в речевой практике семантическая структура каждого слова, его сочетаемость с другими словами. Ведь надо помнить, что, кроме так называемых «свободных» словосочетаний, охватываемых в основном синтаксическими моделями, есть много словосочетаний, которые в национальном языке представляются семантически немотивированными. У Мамина-Сибиряка в «Приваловских миллионах» Ляховский обращается к дядюшке: «Ну, а вы что же молчите? Какую такую пользу вы можете принести нашему делу? На что вы надеетесь?» — «О, отлично надеюсь...» «Отлично надеюсь! — передразнил Ляховский. — Вы говорить-то сначала научитесь по-русски...» Синтаксическое сочетание *отлично надеюсь* с формальной стороны безукоризненно. Такие случаи становятся особенно понятными в сопоставительном плане двуязычного славянского словаря. Русскому сочетанию *крепко спать* соответствует чешское *tv ŕd ě spát, крепкий чай — silný čaj*. Подобные сочетания В. В. Виноградов называет «семантически связанными словосочетаниями»⁴, они могут регистрироваться только в словаре, и в двуязычном словаре им должно быть уделено особенное внимание. К ним примыкают и некоторые фразеологизированные предложные сочетания, например,

¹ «Školní rusko-český slovník», Praha, 1955.

² Ср. нашу статью «О лексикальных првеích в systému ruské mluvnické» в журн. «Časopis pro slovanské jazyky, literatura a dějiny SSSR» (1956, č. 4).

³ Ср. А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 15.

⁴ В. В. Виноградов, Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР, ИАН ОЛЯ, 1954, вып. 6, стр. 500.

предложные сочетания времени *под утро* (при невозможности **под ночь*, **под рассвет*), *по приезде* (при невозможности **по ужине*) и т. п. Последовательно эти сочетания не регистрируются нигде; «правил» о таких сочетаниях не существует. Поэтому предложные нетипизированные сочетания должны быть указаны в словаре у каждого существительного, и это будет частью общей грамматической, точнее синтаксической, характеристики данного существительного¹.

Есть, как известно, много переходных глаголов с ослабленным лексическим значением, которое раскрывается обязательным при них «дополнением». У одних глаголов ряды таких дополнений открыты, например, *владеть чем, достичь чего, пользоваться чем* и т. п.; по семантике такие сочетания в славянских языках обычно совпадают, хотя глагольное управление в них часто различно. В других случаях получаются сочетания относительно закрытые с незначительным количеством возможных дополнений. Такие словосочетания в славянских языках чаще всего не совпадают, иногда на месте словосочетания одного языка встречаем простой глагол в другом, и наоборот. Таковы, например, словосочетания *оказать влияние* — *ovlivniti, оказывать внимание, уважение* — *projevovati pozornost, úctu; оказывать поддержку* — *poskytovat podporu, podporovati; оказывать сопротивление* — *stavěti se na odpor; привести в движение* — чешск. *uvést v chod* — польск. *wprawić w ruch, uruchomić*. Характер и значение дополнения при одном и том же глаголе часто отражаются на переводе этого глагола, например: *нанести* (краску на полотно) — *naněsti* (дорогу на карту) — *zaněsti, vyznačiti* (поражение) — *způsobiti*. Поэтому было бы ошибкой поставить к русскому глаголу *нанести* все чешские эквиваленты без их тщательной объективной характеристики.

В других случаях полная семантическая характеристика глагола и перевод его зависят не столько от дополнения, сколько от глагольного управления, которое в таком случае является выразителем или по крайней мере различителем значений и, значит, должно учитываться в лексикографическом отношении. Например: *доставать* (из чего) *vyndávati*, (до чего) *sáhati až kam*, (что) *dostávati; отличать* (за что) *vyznamenávati*, (от чего) *odlišovati* и т. п. Это, конечно, частный случай разграничения значений факторами синтаксическими². Чем последовательнее подобные случаи отмечаются, тем точнее и лучше словарь.

Характеристика прилагательного в словаре осложняется тем, что значение относительного прилагательного может быть выражено то одним, то другим способом, причем в разных славянских языках эти способы могут не совпадать. Например: *морское течение* — *mořský proud*, но *морское путешествие* — *cestování po moři*, *морское купанье* — *koupání v moři* и т. п.

Приводя в словарной статье наречия и адverbиальные предложные сочетания, приходится, как и везде, считаться не только с лексическим несовпадением метафорического использования наречий (ср. *крепко спать* — *tvrdě spát*), но и со случаями разного синтаксического оформления словосочетания с одинаковым по лексическому значению элементом: здесь, как известно, особенно часты ошибки при переводах на неродной

¹ Ср. нашу статью «Ruské předložky v předložkových výrazech času». Сб. «Materiály pro ruské semináře», вып. II (Stát. ped. nakl., Praha, 1957, стр. 67—83).

² Ср. Н. З. Котелова, Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий, «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957; см. также В. В. Виноградов, Русский язык. (Грамматическое учение о слове), М. — Л., 1947, стр. 643.

язык, куда переносятся не свойственные этому языку сочетания (ср.: *ноги подкашиваются от слабости* — *slabosti*, *идти молной* — *v zastupě* и т. п.).

Словарная статья двуязычного славянского словаря, посвященная служебным словам (предлогам и союзам), должна показать не только их типизированное употребление, но и случаи своеобразного использования служебных слов некоторыми существительными (см. выше, стр. 83—84), а также глаголами — для уточнения глагольного управления, например: *обратиться к* — *obratit se na*; *отказаться от* — *zřici se čeho* и т. п.

Особого внимания заслуживают разнообразнейшие случаи лексикализации грамматических фактов, случаи выпадения отдельных грамматических форм из парадигм и усвоение ими новых, самостоятельных значений (ср. *следует*; *положено*; *он плох*; *будет тебе от паны* и т. п.). Сюда же относятся изменения значений в связи с глагольным видом и залогом¹. Вне этих и подобных фактов нельзя признать характеристику слова в словарной статье полной.

В заключение наших замечаний о содержании словарной статьи нужно подчеркнуть, что в ней должно быть дано все относящееся в слове к «языку», отстоявшееся в речевой практике коллектива на определенном отрезке его исторической жизни, составляющее репертуар выразительных средств национального языка, представленного для словаря авторитетными источниками. Из индивидуального, относящегося к «речи», вносим в словарь то, что встречаем в авторитетном источнике и что, следовательно, должно быть понятно пользующемуся словарем. Подход к этому вопросу в двуязычном словаре, таким образом, иной, чем в нормативном толковом словаре.

Несколько слов об эквивалентах в двуязычном славянском словаре. Вопрос об эквивалентах мы уже затрагивали в разных местах наших рассуждений; этот вопрос в двуязычном словаре является, конечно, самым существенным для целей и назначения словаря. При подыскивании эквивалентов мы исходим из семантической структуры переводимого языка, тщательно избегая вносить в нее чуждые ей оттенки значений и несвойственные сочетания, не смешивая употребление слова с его значением, уже отстоявшимся в языке. Касается это и слов общеславянского распространения, таких, как *рука*, *нога*, *нос*, *ухо* и т. п. У подобных слов не только фразеология в разных славянских языках не совпадает, но не совпадает, как правило, и общая семантическая структура. Например, русское существительное *нос* находит следующие эквиваленты в чешском языке: 1) (у человека, самолета) *nos*; (у собаки) *čumák*; (у птицы) *zobák*; 2) (у чайника) *hubička*; 3) (у корабля) *příd'*; 4) (на побережье) *mys*.

Особого внимания и подхода заслуживает перевод так называемых служебных слов, у которых раскрывать приходится собственно не их значение, а их грамматическую функцию; это через эквивалент часто сделать нельзя, особенно у предлогов и частиц. Какой эквивалент, например, можно дать к русскому предлогу *на* в русско-чешском словаре, если: *на заре* — *za svítání*, *на закате* — *při zapadu slunce*, *на данном этапе* — *v dané etapě*, *на каникулах* — *o prazdninách*, *на радостях* — *ze samé radosti* и т. п.? Приходится обращаться к синтаксической характеристике служебного слова или к характеристике предлога через общие указания на семантику существительных, с которыми он дает сочетания определенного значения — времени, причины, условия и т. п., если, конечно, такие сочетания с существительными определенной общей семантики типизиро-

¹ См. В. В. Виноградов, О некоторых вопросах теории русской лексикографии, ВЯ, 1956, № 5, стр. 91.

ваны (ср. выше, стр. 83—84). Иначе это будут фразеологизмы, которые приходится регистрировать в экземплификациях насколько возможно подробнее.

Еще сложнее обстоит вопрос с эквивалентами для частиц, так как часто оттенок значения, особенно модального, который частица вносит в высказывание, может быть выражен и нелексическими средствами; полного соответствия у славянских языков в этом отношении нет. Поэтому выявление семантического оттенка, вносимого частицей, приходится производить при помощи перефразирования, что иногда необходимо отметить в пояснительных замечаниях к статье. Существенной для частиц является их акцентная характеристика.

Семантизация идиом («фразеологических сращений») тоже должна проводиться при помощи эквивалентов, что, как известно, часто представляет значительные затруднения, так как даже при удачном нахождении эквивалента к фразеологизму этот эквивалент иногда не соответствует ему в стилистическом отношении.

Большое значение следует придавать словам или сочетаниям, характеризующим у эквивалента его семантическое поле и помещаемым обычно в скобках перед эквивалентом, — особенно при несовпадении семантических структур слов и при различии синонимов. Такое слово в скобках должно быть действительно характерным для ситуаций, в которых данное значение отстоялось, легко понимаемым; оно должно быть каким-то ключом значения. Для иллюстрации приведем, например, решение этого вопроса в словарной статье *покрыть*: 1) (ребенка одеялом) *přikrýti*; 2) (речь оратора аплодисментами) *zahrnouti*; 3) (дом черепицей) *pokrýti*; 4) (дефицит, долги) *uhraditi*; 5) (расстояние, тысячу километров) *uraziti*; 6) (короля тузом) *přebítí*; 7) (шум волн, стрельбу) *přehlušiti*.

Внутреннее единство словарной статьи двуязычного славянского словаря покоится на грамматическом единстве ее структуры, на тематическом единстве ее лексического содержания, выражаемого в переводимом языке данным звуковым комплексом, «семантическим единством его значений» (по терминологии акад. Виноградова). В эквивалентах эта система значений часто не будет уже представлять такого единства, что объясняется несовпадением семантических структур слов в обоих представленных в словаре языках.

О синонимах в двуязычном славянском словаре. Богатство синонимов в эквивалентах несомненно повышает переводческую ценность двуязычного словаря, но только при условии тщательной их дифференциации. В этом случае особенное значение приобретают те «ключи», о которых мы говорили выше. Возникает вопрос, в каком языке следует приводить слова для различения эквивалентов в синонимических рядах — в языке перевода или в языке переводимом (ср. способы, практикуемые в словацко-русском словаре проф. А. В. Исаченко и в большом русско-чешском словаре). Рассуждая теоретически, каждый из способов имеет свои преимущества и недостатки. Мы использовали второй способ как в русско-чешских словарях, где «ключи» русские, так и в словарях чешско-русских, где «ключи» чешские. Мы исходили при этом из того, что характеризующими словами, «ключами», намечается собственно текстовая ткань эквивалента, его семантические и синтаксические связи (у глагола — с объектом или обстоятельством, у прилагательного — с существительным, у существительного — с прилагательным). Считаем при этом, что «настольным», а тем более «академическим» словарем будут пользоваться те, для кого характеризующие слова будут понятны.

Омонимы в двуязычном славянском словаре. Вопросы омонимии в словаре много раз привлекали внимание исследователей, которые отмечали

недостаточно четкое выделение омонимов при обработке материала словарей, главным образом толковых¹. В двуязычном словаре, конечно, приходится учитывать прежде всего омонимы в собственном смысле слова, совпадающие по звучанию как в заглавной форме, так и во всех остальных формах данного слова (ср. *kosa* — *kosa* и *cop*; *parjad* — *skupina*, *trida* и *vjboj*, *vybiti*; *parjav* — *přetržení* и *vybuch* и т. п.). Уже в меньшей мере необходимо выделение таких омонимов, как *выпасть* (кошелек из кармана), *vypadnouti* и (о счастье, доле, жребии) *připadnouti*; *произвести* (ремонт) *prověsti* и *произвести* (много продукции) *vyrobiť*. Однако ввиду того, что семантическая структура таких парных звуковых комплексов различна, так же как различны у них синтагматика, метафоризация и фразеология, желательнее их выделять как омонимы. Считаем обязательным для двуязычного славянского словаря выделять все те случаи омонимии, в которых звуковое совпадение касается только одной, заглавной формы слова, как решающей при отыскивании слова в словаре. Ввиду особого значения в структуре славянского глагола категории вида и видовых пар следует различать как омонимы глаголы, у которых разница значения поддерживается несоответствием второго члена видовой пары (ср., например, *наступать на ногу* — *šlapati*, соверш. вид к нему — *наступить*, *наступать на противника* — *útočiti*, без сов. вида).

Особо стоит вопрос о том, куда помещать в двуязычном словаре те омонимы, которые не являются основными, заглавными формами слов, например 3-е лицо от глагола *следовать* — *следует* (поезд из Москвы в Ленинград) и *следует* (согласиться на предложение). С точки зрения содержания и с точки зрения синтаксической перед нами два слова; в морфологическом же отношении — это 3-е лицо глагола *следовать*, — так по крайней мере оно должно представляться тому, кто будет искать это слово в словаре, не зная его значения. Аналогичны отношения у слов: *столовая* — *jidelna*, *столовый* (прибор), *столовая* (посуда), *столовое* (вино); *будет* (писать и читать), *будет* (ему играть, шалить), *будет* (ему от отца) и т. п. Этим словам, по существу, должны быть посвящены отдельные словарные статьи, и только для удобства пользования двуязычным словарем они должны быть помещены по предполагаемой основной для них морфологической форме, где их и будут искать. В зависимости от типа словаря можно решать этот вопрос и более принципиально: разрабатывать подобные слова в виде самостоятельных статей, делая в них отсылочные замечания, например «см. также *следовать*», а у *следовать* — *следует* и т. п. Подобным образом приходится решать вопрос о многочисленных словах типа: *вечером*, *днем*, *зимой*, *утром*, *дай*, *было*, *бывало*, *положено* и т. п. Такие случаи омонимии, как, например, *три* (3) и *три* (к тереть) или *косой* (прилаг.) и *косой* (твор. падеж к *коса*), могут быть разрешены в зависимости от типа словаря при помощи отсылочных замечаний. Такие синтаксические омонимы, как *хорошо* (сделано) — *dobře*, *хорошо* (что все это кончилось) — *je dobře* и *хорошо!* — *dobře!* с общей в основном семантикой, также предпочитаем оставлять в одной словарной статье, где их, конечно, и будут искать. Здесь, как и в других случаях, мы предпочитаем избегать излишней для словаря омонимизации. Надо помнить, что только через эквивалент пользующийся словарем узнает, что перед ним омоним. Там, где различение омонимов облегчает ориентацию в их значениях, омонимы должны последовательно различаться.

Заслуживает внимания омонимия служебных слов-предлогов и союзов, а отчасти и частиц, на что обращает внимание В. В. Виноградов в упо-

¹ Ср., например, В. В. Виноградов. О некоторых вопросах теории русской лексикографии, стр. 88—90.

мянutoй выше статье¹, доказывая на примерах, что значения предлога *с* в сочетании с падежами родительным, творительным и винительным различны (*вид с горы, чай с сахаром, мальчик с пальчик* и т. п.). Нам кажется, однако, что во всех случаях употребления предлог *с* со склоняемым словом и любым падежом имеет общее — он выполняет синтаксическую, служебную функцию, развивая и уточняя то, что дано значением слова и основным значением падежа. Таким образом, есть основание говорить о единстве каждого предлога; его «значениями» будут его различные функции в зависимости от второго компонента предложного сочетания [например, 1) в сочетаниях с род. падежом существительных, означающих..., 2) в сочетаниях с вин. падежом существительных, означающих... и т. п.]. При выделении омонимов у предлога только на основании падежей пришлось бы внутри таких предложных омонимов выделять еще более отдаленные «значения» из нетипизированных или мало типизированных предложных сочетаний (ср. выше). Большая зависимость употребления предлогов от семантики имен, с которыми предлоги связаны, позволяет, мне кажется, объединять их по признаку чисто формальному и помещать в одной словарной статье.

Аналогично и у союзов можно объединять их разные функциональные «значения» в рамках сочинения, подчинения, присоединения и других синтаксических взаимоотношений между высказываниями. Так, можно, например, в одной словарной статье *когда* разработать все синтаксические функции этого союза.

Разнообразие служебных ролей одной и той же частицы при отсутствии у нее собственного значения не дает права рассматривать отдельные случаи функционального использования частицы как омонимы. Например, частица *да*, разработанная в одной словарной статье, в рамке этой статьи будет иметь шесть «значений», выделяемых в связи с природой слова по признакам функциональным. Тот же звуковой комплекс в качестве союза будет выделен в особой статье как омоним, и в ней окажется четыре значения (см. большой русско-чешский словарь).

Известно, что очень многие существительные общеславянского распространения (ср. *копыто, колено, зуб, палец* и т. п.) используются в целях терминологических, причем в каждой отрасли вкладывается в эти звуковые комплексы различное содержание; создается иногда длинный ряд омонимов. В отраслевых словарях специального назначения это будут отдельные слова, омонимичные со словами общего языка. В двуязычном неспециализированном словаре все такие случаи могут найти свое место в словарной статье соответствующего слова и будут помогать его общей лексической характеристике, составляя особое, терминологическое «значение» с пометой «спец.» и собственной нумерацией. В таком специализированном «значении» будут собраны все случаи отраслевого использования слова.

Двуязычный славянский словарь может зарегистрировать случаи и так называемой межславянской омонимии типа: *благодарный* — *vděčný*, но чешск. *blahodárný*; — *благодарный*; *бранить* — *padávati*, но чешск. *brániti* — *защищать* и многие подобные.

Об антонимах. Для общей характеристики семантического содержания слова использование антонимов в полном и, может быть, школьном словаре является, несомненно, весьма желательным. Но вопрос осложняется тем, что, во-первых, этот прием раскрытия значений не может последовательно применяться у всех категорий слов, а, во-вторых, даже у качественных прилагательных, где антонимы могут указываться со значитель-

¹ В. В. Виноградов, О некоторых вопросах теории русской лексикографии, стр. 90.

ной последовательностью, приходится считаться с тем, что не ко всем значениям одного и того же прилагательного антоним применим. Например, к прилагательному *белый* антоним *черный* применим в отношении цвета, отчасти в сочетаниях с некоторыми существительными, таких, как *хлеб*, *волосы*, но исключается в сочетаниях *белое вино*, *белая береза*, *белая горячка* и многих других. У антонимов *высокий* — *низкий* пришлось бы, например, отметить, что антоним не применим в сочетаниях, таких, как *высокая идейность*, *высокий пилотаж*, *высокая миссия* и т. п.

*

В рамках небольшой статьи мы постарались наметить лишь основную и наиболее общую проблематику двуязычного славянского словаря, пользуясь очень ограниченным иллюстративным чешско-русским материалом. Но, кроме затронутых вопросов, есть еще много других, более общих вопросов, которые имеют для лексикографической работы не менее важное значение, например, вопрос о соотносительности слова и понятия, слова и значения, слова и представления, о соотношении лексики и грамматики. Разрешение этих вопросов углубило бы теоретическую базу современной славянской лексикографии и вместе с тем облегчило бы описание лексических систем отдельных славянских языков.
